

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории, теории и методологии Института социологии НАН Украины

Модель “затухающего” конфликта

Abstract

The article is devoted to the model of a fading conflict contrasted to an escalating one. The mechanisms of a fading conflict development are considered, along with its subjects, the functions of the sides involved, their aims and motivations. The fading conflict institutionalization is interpreted as a prerequisite of its settling by means of a compromise.

Известный американский социолог Джонатан Тернер утверждает, что “в современной социологической теории сложилось два основных направления, которые вдохновлялись либо Марксом, либо Зиммелем: 1) диалектическая теория конфликта и 2) конфликтный функционализм” [1, с.140]. Яркими представителями этих двух основных подходов в настоящее время являются Р.Дарендорф и Л.Козер.

По мнению Дж.Тернера, и Маркс, и Зиммель “ставят один и тот же теоретический вопрос: каковы последствия конфликта для социальной системы и для участвующих в нем групп?” [1, с.135], кроме того, “подобно Марксу, Зиммель считал, что конфликт в обществе неизбежен и неотвратим” [1, с.130].

Но наряду с общим, между ними существуют и принципиальные различия. Так, “в отличие от Маркса, который думал, что конфликт в конце концов обязательно усиливается, приобретает революционный характер и приводит к структурным изменениям системы, Зиммель чаще всего анализировал явления противоположного характера — менее интенсивные и острые конфликты, которые укрепляли прочность и интеграцию системы,

стимулировали ее упорядоченные изменения” [1, с.133]. Имеющиеся “расхождения в теории конфликта становятся особенно заметными, если сравнивать конфликтный функционализм Льюиса Козера с направлением диалектического конфликта Ральфа Дарендорфа” [1, с.161]. Если первый из них уделял главное внимание “позитивным” функциям конфликта, способствующим сохранению системы, восстановлению или повышению степени ее интеграции, приспособления к изменившимся условиям внешней среды, то второй акцентировал внимание на “негативных” функциях конфликта, следствием которых являлось разрушение социальной системы или ее структурное изменение.

Тернер указывает также на недостатки обоих подходов и критикует обе концепции — и Козера, и Дарендорфа. В частности, по мнению критика, при всей значимости теоретических построений Козера им недостает систематизации и упорядоченности [1, с.166], а Р.Дарендорф вполне справедливо подвергается критике за свои представления о причинах конфликта, не в полной мере объясняющие его возникновение [1, с.147].

Вместе с тем, оба социолога много сделали для развития теории конфликта и, будучи наиболее характерными и яркими представителями двух указанных направлений, получили широкую известность в научном мире. Они подробно исследовали и целый ряд проблем теории социального конфликта. Принимая это во внимание, Тернер пришел к выводу, что сопоставление основных положений диалектической теории конфликта и конфликтного функционализма, на примере концепций Дарендорфа и Козера, весьма полезно, а их тезисы хорошо дополняют друг друга [1, с.187–188]. Поэтому в своей книге “Структура социальной теории” Тернер предпринял попытку их совмещения и создания некой обобщенной модели развития конфликта, включающей положительные моменты обеих теорий. Собственно говоря, он создает третью модель. Такой подход весьма плодотворен и заслуживает внимания, поскольку отражает господствующее в социологии стремление к синтетическому теоретизированию.

Однако, как бы детально ни конкретизировалась какая-либо модель конфликта, сколько бы новых моделей ни создавалось, ни одна из них не может исчерпывающе описать реально протекающий конфликт.

Попытка создания разнообразных моделей развития конфликта или некой всеобщей универсальной модели, их обобщающей, не является единственным подходом. Возможны другие варианты, не только близкие ему по смыслу, но и противоположные: не совмещение и дополнение двух основных направлений изучения конфликта, а их противопоставление с акцентированием основных тезисов, их различающих. Создание на базе диалектической теории конфликта, в частности концепций К.Маркса и Р.Дарендорфа, а также на базе конфликтного функционализма, в частности концепций Г.Зиммеля, Л.Козера, двух противоположных по содержанию моделей развития конфликта как идеальных типов в веберовском смысле, являющихся не знанием о реально протекающем конфликте, его причинах, механизме, субъектах, последствиях и т.д., а только средством его познания.

Одна из таких моделей — модель “затухающего” конфликта (вторая — “эскалационного” конфликта). Определение — весьма условное и может быть пересмотрено в ходе обсуждения.

Конфликт имеет, как правило, не одну, а целое множество качественно разных причин. Среди них есть как закономерные, жестко детерминирующие возникновение конфликтной ситуации, так и вероятностные, предполагающие различную степень возможности конфликта, да и просто случайные причины. В силу этого как сам конфликт (будучи результатом совокупности всех причин), так и механизм его развертывания и его социальные последствия не являются фатально неизбежными и предопределенными. Среди всей совокупности причин, по существу, нет основной, главной. Любая из них, даже самая случайная, значимая в бесконечно малой степени, в определенных условиях может сыграть решающую роль, и без нее данный конкретный конфликт в его конкретной форме, с его вполне определенным механизмом и социальными последствиями — просто невозможен. Иначе это будет другой конфликт.

При этом существуют не только временно действующие, переходящие, но и постоянно существующие, “неустрашимые” причины конфликтов, те социальные различия и противоположности, которые “вечны” и неизбежны. Например, различия, на основе которых возникают конфликты типа “отцы и дети” (к ним можно отнести и “эдипов комплекс”), конфликт полов, межнациональный, цивилизационный, расовый и другие виды конфликтов.

Конфликт такого рода не может быть разрешен — только урегулирован. Его нельзя “отменить” или устранить будь-то путем уничтожения одного или обоих субъектов или путем достижения “окончательной” и “безусловной” победы одного из них над другим.

Протекание такого рода конфликта, как правило, оказывается “пульсирующим”, волнообразным, со своими “подъемами” и “спадами”. При урегулировании данного конфликта его причины постепенно перестают действовать, и он становится “затухающим”.

Конфликт имеет не только множество причин, но и множество разнообразных социальных последствий, при этом каждое из них является результатом действий не одной, а нескольких причин, порождающих иной раз каждая множество последствий.

Важнейшей особенностью ряда причин (не всех) такого рода конфликтов является включенность, встроенность в них человека, как элемента их внутренней структуры, как дополнительной составляющей данной причины. Он оказывается в состоянии “изнутри” влиять на причину конфликта, модифицировать ее, уменьшать или увеличивать ее значение, добиваться локализации или нейтрализации.

Непосредственной причиной “затухающего” конфликта может стать формирование новых социальных групп, в той же мере, что и существование “вечных” и “неуничтожимых”, противостоящих друг другу в силу своих специфических потребностей, интересов и духовных ценностей.

Общество в значительной степени социально неоднородно и дифференцировано, в нем образуются различные социальные группы и классы, между которыми существуют также многочисленные слои и “прослойки”, представители которых принадлежат сразу к двум, трем (и более) социальным группам. Каждый член такого общества находится одновременно не в одном, а в нескольких социальных, культурных и идеолого-политических пространствах. Имеет место не только политический плюрализм, но и со-

циальный, культурный и др. Поляризованный раскол общества на две части отсутствует.

Каждая социальная группа, в свою очередь, как бы “расслаивается”, дифференцируется на составные части, которые могут в большей степени тяготеть к составляющим другой социальной группы, чем своей.

Социальная идентичность в данной ситуации весьма размыта, каждая личность имеет множество признаков, по которым может осуществлять и осуществляет социальную идентификацию, но ни один из них не становится для нее основным или главным, а тем более единственным. Поэтому существует плюрализм идентичности и идентификации, то есть личность одновременно отождествляет себя не с одной, а со многими социальными группами, среди которых, как правило, нет для нее главной, основной. При этом идентификация для личности весьма затруднительна, она как бы раздваивается, расстраивается и т.д.

В этих условиях может возникнуть искусственное, “ложное” деление населения на фиктивные социальные группы на основе надуманного признака социальной идентичности путем активного использования средств массовой информации и коммуникации, широко развернутой агитации и пропаганды, навязывающих обманутым людям надуманные потребности, интересы и ценности, склоняя их посредством психологического давления к ложной социальной идентификации с несуществующей социальной общностью. Это своеобразная форма политической борьбы одного из субъектов социального конфликта, направленной на поиск и искусственное создание себе союзника или третьего участника конфликта среди невовлеченной в столкновение нейтральной части населения. Однако участие этой искусственно созданной группы в конфликте ограничено в основном пассивной поддержкой и не доходит до активных действий, особенно насильственных.

С самого начала или в ходе развития конфликта в нем может участвовать не два субъекта, не два противника, а значительно больше — три, четыре и т.д. В настоящее время отмечается все возрастающая тенденция “терциаризации” современных конфликтов, то есть появления в них третьего участника. Один или оба субъекта в ходе развития конфликта наносят ряд ударов не друг другу, а нейтральной третьей стороне с целью вовлечения ее в конфликт: например, забастовка транспортников причиняет ущерб и “хозяину”, и пассажирам. Бастующие не столько апеллируют к солидарности со стороны “публики”, сколько, нарушая нормальные условия жизнедеятельности посторонних лиц, вовлекают их в конфликт в качестве “заложников” и эффективного средства давления на предпринимателя [2, с.117].

У социальных групп общества нет абсолютно расходящихся и полностью несовпадающих потребностей, интересов и ценностей. Следует говорить о различии, которое может в определенных условиях усугубляться до противоположности. При этом есть общие совпадающие потребности и интересы, которые могут являться и являются базой для устранения противостояния, для поиска точек соприкосновения и понимания друг друга, для развернутого диалога с целью уяснения позиций друг друга. Субъект конфликта стремится при этом принимать во внимание и учитывать возможную реакцию противника на свои действия, чтобы не спровоцировать его на дальнейшее углубление конфронтации и, вместе с тем, занять взве-

шенную и ответственную позицию в конфликте, не ставя перед собой и не добиваясь нереальных целей и задач.

Весь энергетический потенциал субъектов, как правило, не используется, сами они внутренне расслаиваются, структурируются на некоторые части, как и социальные группы, на базе которых они образуются, что не способствует концентрированности действий и препятствует полной отдаче участию в конфликте. Кроме тех, кто частично участвует в конфликте, немало членов общества вообще остаются нейтральными, не присоединяясь ни к одной из противоборствующих сторон.

Конфликт в большей степени определяется субъектом, его многообразными качествами, такими как организованность, сознательность, навыки и опыт политической борьбы, наличие технических и организационных средств, степень информированности и коммуникативности и т.п. Все возрастающее значение приобретает и отдельная личность, которая в настоящее время в состоянии решить исход крупномасштабного конфликта в пользу одной из сторон, получив доступ к пульту управления ракетной установкой или АЭС, информационным каналам и т.п.

Многомерность социальных групп и субъектов конфликта обуславливают многомерность самого конфликта. Он представляет собой совокупность (равнодействующую) некоторого множества конфликтов и конфликтных ситуаций, существующих в обществе. Миниконфликты, существующие в разных плоскостях социального пространства, накладываются друг на друга, порождая особые состояния — точки бифуркации, в которых пути развития системы многовариантны и неопределенны, что усложняет механизм развития конфликта.

Следует также сказать о многообразии обратных связей, в частности о так называемой петле обратной связи. Она проявляется в том, что вызванные некоторыми причинами последствия становятся факторами воспроизводства данных причин. Своеобразной формой такого рода обратного воздействия является мультипликатор, сущность которого состоит в умножении через результат причиной самой себя. Таким образом, в состояниях, далеких от равновесия, “очень слабые возмущения, или флуктуации, могут усиливаться до гигантских волн, разрушающих сложившуюся структуру, а это проливает свет на всевозможные процессы качественного или резкого (не постепенного, не эволюционного) изменения” [3, с.20].

Механизм протекания конфликта усложняет также наличие в нем более чем двух субъектов. Возникает своеобразный тип конфликта, который невозможно интерпретировать с помощью классических старых теорий, так как он развивается по иной логике. Изменяется сама техника борьбы, функции вовлеченных сторон, их цели и мотивы деятельности, иначе следует подходить к оценке нанесенного ущерба, ко всем последствиям и результатам такого конфликта в целом. Важной особенностью его является изменение места и адреса конфликта, он выносится “во вне” взаимоотношений двух сталкивающихся сторон, развивается и разрешается в большей степени не между ними, а вне их. Действия, направленные во вне, имеют целью не просто достижение победы, но поиск контакта с другими силами и втягивание их в конфликт. Сами действия оказываются ориентированными в значительной степени на завоевание сочувствия, солидарности всех возможных социальных субъектов и, благодаря этому, вовлечение их в борьбу.

Конфликт приобретает значительный демонстративный потенциал, и успеха, как правило, добивается та из сторон, которая использует его в большей мере и сумеет разъяснить свои цели и мотивы, преподнеся их другим субъектам в позитивном свете либо “облив грязью” своего противника, одним словом, так или иначе доказав свою “правоту”. В широко развернутой пропагандистской кампании, в этой своеобразной “психологической войне” огромную роль приобретают средства массовой информации, применяющие все новые формы выразительности и убедительности.

Субъекты конфликта в современных условиях все чаще проявляют способность “раздваиваться”, “растраиваться” и т.д., в чем выражается своеобразная диалектика не конфликта, порождающая множество субъектов, каждый из которых имеет свои, отличные от других цели, задачи, интересы, ценности и может предпринимать разные действия для их реализации, пуская в ход присущие ему методы, приемы и технологии. Все сказанное касается, прежде всего, затухающего конфликта.

Затухающий конфликт всегда если не полностью, то в значительной степени институционализирован, то есть обладает высоким уровнем нормативной регуляции, предполагая непереносимое установление четкой договоренности между соперниками относительно условий и порядка завершения конфликта, а также высокий уровень вовлеченности членов противостоящих социальных групп в легальные или легитимные формы общественно-политической жизни, благодаря чему происходит манифестирование, то есть формулирование и публичное объявление, провозглашение субъектами конфликта или социальными группами, за ними стоящими, своих интересов и ценностей.

В такого рода конфликте любой социальной группе предоставляется “право на протест”, возможность создания не только широких общественных движений, профсоюзов и т.п., но и политических организаций, принимающих активное участие в борьбе за распределение и перераспределение власти, собственности, информации, вплоть до создания параллельных институтов власти, например, “теневое правительство” оппозиции. Значительные властные полномочия, распространяющиеся на все общество, могут иметь и центральные органы политических или профсоюзных организаций, особенно если они представлены в парламенте. В данном случае речь идет о плюрализме властных полномочий, отсутствии монополии на власть со стороны одной или двух социальных групп.

Такая ситуация либо закрепляется законом, становясь легальной, либо существует как легитимная, то есть признаваемая всем обществом как необходимая и гарантированная тем, что любое отклонение от нее должно столкнуться с активным порицанием или действенным сопротивлением. Действия социальных субъектов при этом, если и не являются вполне легальными, регулируемыми правом, то обладают легитимностью и осуществляются на основе признанных (хотя не всегда закрепленных законом) норм и правил.

“...Общность интересов вынуждает соперников принять такие правила, которые усиливают их зависимость друг от друга в самом процессе отставания антагонистических целей. Договоренности такого рода способствуют самоликвидации конфликта: в той мере, в какой принятые правила соблюдаются, конфликт институционализируется и приобретает черты составительной борьбы” [4, с.29]. Это позволяет, благодаря формализованным

нормами действиям, установить контроль над протеканием конфликта и его развитием, применяя разнообразные средства для его локализации, нейтрализации и устранения.

Обе стороны затухающего конфликта стремятся к его разрешению не столько через достижение победы над своим противником и его уничтожение, сколько через урегулирование коллизии путем достижения соглашения-компромисса, создания механизма, направленного на прекращение борьбы и предотвращения столкновения практически в любых его формах. Отказываясь от погони за призрачной победой, они, хотя и в разной степени, склонны идти на уступки.

Важное значение, даже в большей степени, чем позиция “победителя”, приобретает точка зрения “побежденного”, ибо конфликт может продолжаться до тех пор, пока последний не пойдет на соглашение и не удовлетворится предлагаемыми ему уступками и компромиссом на их основе. Немаловажным является и восприятие ситуации в целом со стороны субъектов конфликта. Оно должно быть не столько эмоциональным, сколько рациональным. Если вспомнить В.Парето, то восприятие конфликта и, отсюда, поведение субъектов определяются производными от того, “каким образом люди используют психологические, логические или псевдологические методы, чтобы увлечь за собой других” [5, с.436].

Субъекты современного затухающего конфликта, как правило, принимают попытки научной проработки социальных последствий разрешения-урегулирования конфликта, учитывая его юридическое обеспечение. Основной упор при этом делается отнюдь не на “постижение истинного хода истории”, создание некоего проекта будущего и описание действующих в нем институтов и социальных отношений. Речь идет скорее о поиске путей повышения эффективности существующих институтов или инструментов, служащих достижению конкретных целей, об их оценке с точки зрения целесообразности и простоты.

По мнению Р.Дарендорфа, сегодня мы постепенно перешли от качественного неравенства к количественному, поэтому “суть современного социального конфликта состоит в том, что он может активизировать одновременно процесс расширения и обеспечения прав и таким образом увеличить жизненные шансы” [6, с.48].

В заключение следует еще раз отметить, что предложенная модель со всеми ее характеристиками представляет собой не более чем “идеальный тип” и, кроме того, вовсе не является единственной возможной моделью.

Литература

1. Тернер Дж. Структура социологической теории. — М., 1985. — С.472.
2. Аккорnero А. “Терциаризация” индустриального конфликта // Рабочий класс и современный мир. — 1987. — № 3. — С.116–131.
3. Тоффлер О. Предисловие. Наука и изменение // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. — М., 1986. — С.11–33.
4. Козер Л. Функции конфликта // Социальный конфликт: современные исследования. — М., 1991. — С.27–35.
5. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. — М., 1993. — С.608.
6. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: эссе о политике свободы // Социальный конфликт: современные исследования. — М., 1991. — С.43–50.